

Виктория Левина

Медные копи царя Соломона

Сборник стихов

Золотая серия "Писатель в интернет-пространстве"

Киев

2018

ББК 84 УДК 82-1

Л 36

ISBN 978-617-7494-39-2

Медные копи царя Соломона. Сборник стихов /В. Левина.
Киев: Золотая серия «Писатель в интернет - пространстве», 2018
– 66 с.

Книга "Медные копи царя Соломона" - это образ страны, воплощённый в стихах. Это живые пейзажи, нарисованные не кистью, а словом. Это мимолётные ощущения, плоды долгих размышлений, искренние эмоции и яркие краски в каждом черверостишии, в каждом абзаце. Виктория Левина, по собственному признанию, прожила три разных жизни, которые прошли в трёх разных странах: в Украине, в России и в Израиле. Именно последнему периоду посвящён этот сборник. В нём можно прочесть произведения, написанные в разные годы, но адресованные прекрасной и древней стране, её людям и секретам, притаившихся на солнечных пляжах в узеньких проулках, в тени фонарей, в шумной вечерней толпе, в шёпоте пустыни. Творчество автора передаёт неповторимую атмосферу Израиля, и кажется, будто ты слышишь музыку, которую исполняют уличные музыканты, ощущаешь аромат моря, смешанный с запахами, доносящимися из многочисленных уличных кафешек, чувствуешь жар палящего солнца на коже. Виктория Левина предлагает своим читателям совершить путешествие на другой континент, словно опытный гид, с радостью и любовью проводит ему экскурсию по своим любимым местам.

ISBN 978-617-7494-39-2

В. Левина ©

Медные копи царя Соломона

Медные копи царя Соломона*,
красные скалы...
Ветром пустыни, сухим и солёным,
лица ласкало!
Древние гимны пустынной долины
спали в отрогах
розовых гор, что венчались козлиным
загнутым рогом,
ланью пугливой на пиках отвесных,
лётom орлиным.
Армией каменной в узницах тесных
спят исполины.
Спят, облачённые в яркие стразы,
сны фараонов..
Здесь брали золото, медь и алмазы -
мощь Соломона.

* *Парк Тимна – медные копи царя Соломона.*

В двадцати минутах езды на Север от Эйлата, в одном из разломов гор, находится удивительная долина, некогда бывшая медными копиями царя Соломона. Сейчас это место называется "парк Тимна", и его посещают многочисленные туристы. Парк – это долина, окруженная отвесными скалами, высота которых иногда достигает почти девятисот метров.

Как делали мозаику старинную

Как делали мозаику старинную
в монашских кельях под Иерусалимом?

От вора, от зверья и от разбоя
хранились камни, что несли с собою.

А привозились камни издалёка,
ценимые, как жизнь, как дух, как око.

В мешках заплечных, ночью африканской -
японский розовый и чёрный итальянский,

афганский синий с русским сердоликом -
скрывали красоту под грубым ликом.

Потом, в тиши пещер, сверкали камни -
их шлифовали грязными руками!

Соединив фрагменты воедино,
вливались камни в общую картину

мозаики монашеской церковной!
Стыдились камни бедной родословной -

что из монашских собраны котомок.
Замрёт пред вечной красотой потомок,

мозаики богатством очарован!
Здесь в каждом камне чей-то дух закован.

Над развалинами Шивты

Ах, какие небеса! Над безмолвием пустыни
с безрассудством Византии солнце щедрое палит.
На развалинах церковных, сохранившихся поныне,
череда святых купелей отсвет давности хранит.

Над капеллой первородной, да над винными чанами
жизнь торговая кипела, плодоносила, цвела!
А сейчас над базиликой, славной щедрыми дарами,
в бесконечной синей выси - лёт пустынного орла.

Над развалинами Шивты* под певучий шелест ветра,
под песков зыбучих шорох зной историю творит.
Эти стены повидали много дней, лихих и светлых.
Жёлтый камень знает много, и о многом говорит.

Для меня милее нету тех истоков, тех мгновений,
тех внезапных провидений (голос крови, правды зов) -
пыль веков, краса развалин, да глубоких откровений
в неизбывности сомнений в окружении веков.

* Город этот, расположенный на севере пустыни Неgev, хранит 2000-летнюю память о расцвете и упадке Набатейского царства. Шивта – один из наиболее захватывающих археологических объектов Израиля. Внушительные размеры пустынного города, наряду с отличной сохранностью его архитектуры, позволяют бродить здесь часами, не чувствуя ни усталости, ни скуки. Когда приходит осознание этой мощи и значительности, начинаешь, наконец, понимать что подразумевают археологи, говоря о "настоящем" древнем городе.

Новая персидская сказка

Аяталловским путчем знаменитым,
последним рейсом, взятым под конвой,
из Персии, под свист антисемитов,
бежал отец твой навсегда с семьёй.

С французским гимназическим акцентом,
высок и строен, дьявольски красив,
в Израиле мешки с сухим цементом
носил на стройке и раствор месил.

Семья жила, и обрезались дети
в еврейской синагоге из камней.
В один из дней январских на рассвете
одним ребёнком больше стало в ней.

Ты рос в согласьи с голосом традиций -
евреем в доме, воином в бою -
чтобы персидской сказкою свалиться
однажды в жизнь бедовую мою!

Семья затрепетала, не желая
разноплеменья, смешанных кровей!
Семья кричала, что я всем чужая -
ворона белая с заснеженных полей.

Что не понять мне доли мессианской,
не исчерпать судьбы своей до дна,
что стороной далёкой христианской
душа моя навек уязвлена!

Что не жена кошерному еврею,
рождённая под русскою звездой!
Что с детства пред мужчиной не робею,
имею гордый взгляд и голос свой.

В семейных хрониках персидской новой сказки
Тебе дан статус объявившего войну -
за право жить , не следуя указке,
за право выбирать себе жену.

Мы победили в этой схватке пылкой,
когда любовь и жизнь - на волоске!
Прижмусь щекой к пульсирующей жилке
под смуглой кожей на родном виске...

Акко - приют крестоносцев

Кубки заздравные, выкрики зычные,
ряса монашья, верёвкой прихвачена -
здесь, в этом городе сорокатысячном,
войн крестоносных судьба обозначена.

Верой гонимые в глушь аравийскую,
руки в еду опускавшие с жадностью.
Факелы дымные. Латы арийские,
в мёртвые очи глядящие с жалостью.

Бритое тело под белой рубахою,
ночь на коленях в мольбе простоявшее.
Жизнь прожигают не с рыжей девахою -
с божеской верой, чело осенявшею!

Страшно за городом... Вороны слушают
трупов молчанье, упавших стенания...
В городе пиршество. Морем и сушею
новых солдат приведут на заклание!

Скрипка разговаривала с Богом...

*Вариации на тему скрипичного концерта Иосифа Ахарона
(1886-1943)*

Скрипка разговаривала с Богом.
Жаловалась: - Жизнь подорожала,
холодно в лапсердачке убогом,
да жена б не каждый год рожала...

- Я готов делиться коркой хлеба
с каждым из соседей - в счастье, в горе -
чтоб жидовским не звались отребьем
детки в каждой драке, в каждой ссоре.

- Чтобы околоточный не зыркал,
да не пялил глаз на дочку Браху.
Крышу подлатал весною лыком,
звал соседа, шил ему рубаху.

- Господи! Ведь мы ж блюдем Субботу,
заповеди все, что на скрижалях!
Руки вот распухли от работы,
пальцы еле шило удержали.

- Быть евреем, Господи, не просто
даже в мире сытых и богатых!
Говорили, перехрестов вдосталь
стало среди нас, жидков пейсатых.

- Господи! А как бы пригодилась
кроха счастья нам и деткам - тоже!
Плакала струна, слеза катилась,
пела скрипка высоко, до дрожи...

Еврейская свадьба

Была хупа*, невеста в белом,
раввин, родители, кагал**.
Жених - струной, звенящим нервом! –
на возвышении стоял.

И символически раздавлен
стакан, как символ прежних лет.
Ктуба*** подписана, приправлен
богатый яствами обед.

Но вдруг прошли столами между,
нежданны, зычны и легки,
одеты в белые одежды
с библейским шиком пареньки!

Затрепетал и вскинул руки
орлиным жестом наш жених! -
в песках барханов плыли звуки,
верблюды к источнику приник...

В каких веках движеньем этим,
откинув голову назад,
плечом ведя под гул столетий,
еврейский мальчик вскинул взгляд?

Олений трубный глас шофаров****,
истории безликий счёт, -
под барабаны и фанфары
сам царь Давид к жене идёт!

*Хупа - балдахин, под которым еврейская пара стоит во время церемонии своего бракосочетания.

**Кагал - собрание народа, сход.

*** Ктуба - это еврейский брачный договор.

****Шофар - еврейский ритуальный духовой музыкальный инструмент, сделанный из рога животного.

В игольное ушко верблюжьей башкою

в игольное ушко верблюжьей башкою
под пение рака и свист воровской
была вероятность примерно такую
прибиться к тебе горемычной судьбой

мы дули на воду нам бабки гадали
на блюде где воск растекался свечной
семь раз предавали семь раз убивали
чтоб сбрызнуть однажды водою живой

родившись вторично встряхнувшись от мути
отбросив лохмотья стыда и вранья
коснулись однажды друг друга две сути
любовью голодные страстью горя

съедаемы страхом дрожащие в боли
боясь говорить обнимать целовать
как звери из клетки как птицы в неволе
забывшие бег разучившись летать

и вот на совместной широкой подушке
спят два истукана довольные всем
и морда верблюда в игольное ушко
проходит с улыбкой без всяких проблем

В виноградниках

Каждый год около 3000 женщин собираются на танахический праздник любви и вина в виноградниках, что раскинулись в историческом месте - крепости Шила...

Говорило тело языком танаха,
простирались руки за советом к богу,
одевалось тело в белое с размахом –
расплескалась кипень по края дороги.

Говорило женским голосом и ликом
место, сохранившее перепев историй -
расстилались дали, разгулялись блики,
каменные глыбы гулко звукам вторят.

Освещало тайной вдохновенной лица
зрелости премудрой, юности невинной –
там, где виноградный сок в кувшин струится,
там, где время вяжет, сотворяя вина.

Танцевали страстно древних чар искусством –
раздувались юбки, развевались шали.
По дороге горной разъезжались густо.
По домам певуний половинки ждали!

Перед звёздным дождём

Раз в год в городке Мицпе Рамон, городке на краю огромного кратера в пустыне Негев, празднуют "метеоритный дождь" – отключают уличное освещение, и кажется, будто небо падает прямо на твою голову – это невероятное ощущение! Обычно это происходит в августе, когда такие явления случаются чаще всего. Считается, что именно из этой точки страны звездное небо просматривается лучше всего...

Рогом горных козлов у скалы на отроге,
ярким росчерком звёзд, опадающих с неба,
в "марсианскую" ночь усмиряю тревоги,
что под музыку джаза срываются в небыль.

Только так, только так - жить над бездной в полёте,
жизнь кометно бросая с небес запятою!
Только здесь - к богу ближе - нирвану найдёте
между небом и каменной козьей тропею.

Фантастической пустошью скального цвета
виртуально бреду по верблюжьей дороге –
в бедуинских шатрах от безумного лета
отдыхают усталые пыльные ноги.

Отдыхает душа и вливается в тело
терпкий смысл молока от верблюдицы с фермы.
Время спит. Лишь внезапным орлом пролетела
тьнь минутной строки миражом эфемерным.

Перед звёздным дождём я впитала пустыню
до песчинки, до катышка! И до рассвета
обомлевшим дыханием, горною стынью
жадно судьбы считала упавшего света.

Не хлебом единым...

В Яффском порту есть театр слепо-глухо-немых. "Прикоснись!" - это его название. На сцене - слепо-глухо-немые актёры пекут хлеб, рассказывая о своей судьбе...

После спектакля "Не хлебом единым".

"Не хлебом единым"... Чувствительность пальцев
диоптрией мерить... Замешивать тесто
пред залом на сцене, в кругу постояльцев,
где каждый имел неизменное место,

где ни миллиметра ни вправо, ни влево,
а твой монолог - переводят руками...
А тесто месилось и сытно белело
на сцене, расцвеченной прожекторами!

Несвязная речь объяснялась экраном.
Веселие лиц объяснялось искусством.
И корочкой хлеб покрывался румяной,
и выпечкой пахло, - домашней и вкусной!

И каждый актёр разговаривал с залом
лицом и руками. В каком-то бреду
потерянно публика в зале молчала,
заплакал ребёнок в четвёртом ряду.

Зависеть от прихоти ветра, рукою
внимать настроение поводыря -
боюсь, что в сравнении с такою судьбою,
ничтожной покажется горечь твоя.

А хлеб выпекался! И вкус его прочно
вязался с виденьем прижмуренных век...
Я съела горбушку - но знаю я точно! -
не хлебом единым живёт человек.

Я спрошу у судьбы

Я спрошу у судьбы: что ещё приготовила мне,
чем ещё угостишь, что ещё предстоит мне отведать?
Может - счастья ещё? Или вдруг в бесконечной войне -
горький привкус потерь за желание зваться победой?

За желанье любить вдруг оплаты потребуешь в срок?
Ну, за это, положим, с тобою мы полностью квиты...
За небес глубину и за сладкий свободы глоток
вдруг предъявишь счета и вздохнёшь, что иссякли кредиты?

Дорогая моя! Поступай, как удобно тебе -
голубиной души моей почерк уже не испортить.
За троих отстрадала, и жизнь проживала в борьбе.
Ну какое колечко, какой ещё выкинешь фортель?

был голос тал... Кантата

"...был голос, явившийся нам воплощением чистоты, силы и смертельной торжественной горечи. Мы услышали его во всей неискаженной ясности его: был подобен парению раненой птицы, был снежного сверкающего цвета, пел голос бел, бел голос был, плыл голос, голос плыл и таял, был голос тал. Он пробивался сквозь все, все презируя, он возрастал и падал, дабы возрасти. Был голос гол, упрям и наполнен пульсирующей громкой кровью поющей девушки."

(Саиша Соколов. "Школа для дураков")

Пел голос - белый, чистый, неистраченный,
когда счета несмелы, неоплачены,

вставал на цыпочки, робея взрослой тайною,
аккумулируя влюблённости случайные.

Пел, модулируя непрожитыми датами,
когда Голгофою встают мечты распятые,

и непрерывный пот стекает в ночь усталую...
Пел голос, пел, журча в ручьях водою талою!

И силой мышц, как силой мысли пламенной,
катал по небу звуки плазмой расплавленной.

В верхах витал и опускался в стынь глубокую,
пел голос тал в свою весну далёкую.

На акведуки Леты чистые, без устали,
мой голос шёл однажды, жизнь предчувствуя.

Я, как он, - напишу про окружность...

После спектакля, где Михаил Барышников читал и "танцевал" 50 стихотворений своего друга Иосифа Бродского 22-го января 2016-го года в городе Тель-Авив - Яффо.

Он стихи танцевал, как танцуют последнее танго, -
после ночи навзрыд, когда счёты с земным сведены...
Стая книжных страниц, высотой заоблачной планки,
танцевала, да так, что исподние были видны!

Белый стул танцевал, испомаженный кремом для тела,
и являл сухожилия кентавра, где было дано.
И открытого рта фуэте прямо в космос летело! –
по-немому, безгласно, как мим в чёрно-белом кино.

Замыканья щитка, как нейроны у публики в зале,
порождали разряд (и как следствие - взрыв и испуг!).
Провода оголённые боль и тоску танцевали,
что в запасе у гения были, как ром и мундштук.

Тренированным телом и мускулом выпуклым каждым
танцевал Тель-Авив на стихи о простуженных днях,
о простом одиночестве в небо идущих отважных,
кто стихи танцевал, кто парил на крылатых конях.

И остатки заплаканной обескураженной воли
на ступеньках, на выходе, вместе в пучок соберу, -
танцевали стихи моей собственной прожитой доли...
Я, как он, - напишу про окружность - и тихо умру.

Читаю Бродского

Я Бродского читаю. День во мне
Перемешался с ночью. Руки стынут...
И с жадностью вселенскою придвинут
Чай обжигающий к губам. Как на огне,

Как на поленьях адовых, душа,
Читая строки, ёжится и стонет,
А взгляд - каким-то зреньем посторонним
С листа вбирает буквы, не спеша.

Чем так пленит и ранит монолог,
Такой огромный и такой негромкий?
Я слышу, как струится голос ломкий,
И - мозг взрывает непевучий слог!

Читаю Бродского. Весь день, всю ночь, всю жизнь,
Читаю, упиваясь словом каждым.
Войдя строкою в жизнь мою однажды,
До выхода в финале - удержишься!

Не мантрой, не молитвой, а судьбой
На вымученных родственных дорогах,
Да поцелуем в темечко от бога
Мечтаю окрылённой быть тобой.

Благославляю мысленно твой след,
И мессианским именем болею...
Читаю Бродского. Вот всё, что я имею
Сквозь призму стран и строчек, зим и лет.

Я сегодня - Ван Гог. Романс

Я сегодня - Ван Гог,
мои тени деревьев красны,
на руках - фиолетовым пламенем
вспучены вены.
И расхристанный бог
рыжей с синим забытой весны
мне картины рисует - как в знамени
юной вселенной!

Мне сегодня видны
ярко-розовый цвет облаков,
что надеты, как бусы, на неба
зелёного дали
и лиловой луны
очарованной диск, и цветов,
оппадающих чёрным, как небыль,
созвездья печали.

Подчиняется мне
всей палитрой усвоенных лет
суть знамений, влюблённостей полных,
предсказанной доли.
И уже прорисован вчерне
яркой масляной краской сюжет:
моя жизнь - как тот жёлтый подсолнух
на ветренном поле...

Девочки, молящиеся тихо...

Девочки из Латвии - Литвы,
девочки, молящиеся тихо...
Сто карат балтийской синевы
в их глазах. И стопудово лихо,

что несло местечковый погром
бабушек и дедушек далёких,
чьи черты опущенным углом
века проступают волооко...

Девочки, прильнувшие к окну
самолётной выверенной дали,
книг впитавши стаю не одну
от своих наследственных скрижалей...

Да, на Брайтон, да, в молельный дом,
отпуск в праздник выпросив несмело,
свитерок в рюкзак воткнув с трудом,
стая златокудых полетела!

Иерусалима и Москвы –
запах мяты, вишни, облепихи,
девочки из Латвии - Литвы,
девочки, молящиеся тихо...

Маленький город

из цикла "Назарет"

Маленький город: дороги, колодцы,
овцы, ремесленный гомон на рынке,
тело и мысли расплавлены солнцем,
мёд, молоко и гончарные кринки...

Маленький мальчик у дома с купелью,
где его гладят нежнейшие руки...
Йосиф, Мария... Заливистой трелью
смеха сынишки расцвечены звуки.

Мне не вздохнуть и не выдохнуть вольно –
неприхотливое детство пророка
миру являло безудержно, больно
гибель во славу земного порога!

Малым колодцем прославленный город,
сыром овечьим пропахший и сеном.
Грёз и сомнений ослабивши ворот,
в храм Благовестный* бреду постепенно...

К дому Марии, к приказанным яслям
люди проложил неплохие дороги, -
маленький город, но виден так ясно
след, что оставили босые ноги.

**Первый храм на этом месте был основан в IV веке во время правления императора Константина. В Назарете существует*

два храма, посвященных Благовещению: один на месте Благовещения Архангелом Гавриилом и другой, где жило Святое семейство. Эти свидетельства подтверждает в своем рассказе «о Святых местах» (около 670 г.) западный паломник Аркульф, сообщивший о церкви на месте дома, находящегося рядом с источником и в котором воспитался Господь Иисус Христос, и о церкви, построенной над домом, в котором произошло Благовещение.

когда любили книжный запах...

Шаю Агноу - израильскому писателю, лауреату Нобелевской премии, прибывшему в порт Тель-Авив - Яффо на корабле для переселенцев в 1907 году

Когда живёшь у кромки волн,
куда доставлен был таможней
(под белы руки подхватив,
швырнули парня на гранит...),
когда идей и мыслей полн
твой мозг, то задохнуться можно
от майских роз, что Тель-Авив
с тех пор в садах своих хранит!

Когда душа стремится петь,
когда перо сжимают пальцы,
и строят улицу и дом
в прибрежной зоне у воды,
ты начинаешь жить и сметь,
с душой сионского скитальца,
и юный город за углом
взирает на твои труды...

Как много доли в тех годах,
когда любили книжный запах,
садили саженцы в дворах
простых и тесных первых школ!
И белый иней на висках,
и премий нобелевских залов
игра и свечи - на камнях
у Яффо, где корабль прошёл...

где инстинкт правит миром по Босху...

Ханоху Левин после блуждания по Нэвэ-Шаанан (южный Тель-Авив), району эмигрантов, в сопровождении гида и актёров, играющих сцены из произведений Ханоха Левин

Из размеренной жизни - в другой Тель-Авив,
где инстинкт правит миром по Босху,
ты, писатель, сегодня меня пригласил
в зазеркалье квартир и обносков,

в закулисье беды, где живёт эмигрант,
где властитель - хозяин борделя.
В южном округе этом рождался талант
"ашкеназской" нужды менестреля.

Ах, Ханох, ах, сиротского племени плут,
ох, подмостки обоссанных улиц!
Здесь герои твои и живут, и орут
так, что жители гетто проснулись...

Здесь играют из пьес твоих, кожу и цвет
обездоленных лиц поменявши –
и кричит "неотложкой" "счастливый билет"
из земных преисподень бежавших!

И актёр, и актриса - талантливы, жуть!
Мы хохочем сквозь слёзы и жалость...
Век спустя, режиссёрская видится суть
через щель, что в кулисах осталась.

Полупустыня

Не каждому по нраву эта стынь,
Дневному жару в пару - холод ночи.
И марсианским таинством морочит
Меня полупокрой полупустынь,
Которые то - холод, то - теплынь,
То - яркий свет, то - тёмное пятно
На склонах гор, что с ночью заодно.

Я примеряла жизнь, на перевал
Взбираясь бодро, по судьбе катила
По серпантину, красные картины
Полуденный мираж мне рисовал.
Окружность солнца плющило в овал.
Вдали сверкало море, но порой
Мешали горы разглядеть прибой.

Так, полумерой, в профиль и анфас,
Моя полупустыня ворожила.
А плазмы солнца золотая жила
Жгла куст последний - тот, что про запас
Зверью и птице в самый жаркий час.
Его полузавявших листьев сок
Пьёт тот, кто от безводья изнемог.

Я видела, как яростно цветёт
Апрельский склон, как пьяно пляшут змеи,
На тёплый камень возложив камеи
Чешуек изумрудных. В месяц тот
Живёт ручей - часы наперечёт.
Затем – жара, и кажется - навек!
Растресканы до крови русла рек.

История нашей любви

какими-то третьими странами
какими-то тайными тропами
деньгами гуманитарными
глобальными катастрофами

пути мои ширились зрели
потом пропадали к чёрту
потом приводили к двери
на этаже четвёртом

карабкалось счастье пламенное
в квартиру под звёздной крышей
сорок ступеней каменных
открыть ему двери вышла

стояли как два истукана
душный спускался вечер
напишут потом романы
об этой случайной встрече

На подмостках играют мои диалоги

На подмостки выходят мои персонажи.
Я писала с натуры. И автопортретом
всё грешила. И, грим не используя даже,
представлялась то - дурой, то просто - поэтом...

На подмостках играют мои диалоги,
мои пьесы играют, мои заморочки,
как ждала у окна, проживая тревоги
за ночные отсутствия выросшей дочери.

Там пою, там дышу, сотый раз вспоминая
одиноких сердец театральную встречу,
и пылает во мне, не по рангу живая,
молодая любовь, как стоваттные свечи!

Постарайтесь, актёры, сыграть мою душу!
В монологах живу, умираю и каюсь.
Я уйду перед самым концом, если струшу,
пары жидких хлопков под финал опасаясь.

Молитва о дожде

По мотивам музыкальной молитвы о дожде Бэри Сахарова.

басами в землю ушла гитара
хрипела трудно и гриф качала
высоким саксом там-тамом ярым
руками в небо толпа кричала

там пел мужчина и вторил дискант
дуэтом страстным как в синагоге
верхи сплетались с аккордом низким
взлетали руки плясали ноги

сверкали бивни мгновенных клавиш
мольба о ливне о каплях влажных
неужто боже без гроз оставишь
а впрочем это уже не важно

хлестали ливни плевков ракетных
утришь и щеку подставь вторую
кричало соло огнём ответным
танах и банджо за твердь святую

удары сердца и барабана
сливались в гулком едином пульсе
там пел мужчина в ковбойке рваной
уже не пряча своих конвульсий

игрою света и влаги жаждой
людей слепило и с мест срывало
гитара пела молился каждый
сносило крышу от криков браво

Посвящение Францу Шуберту

*Под впечатлением от концерта
из произведений Франца Шуберта
(1797–1828) "Лебединые песни"
и камерного октета фа-мажор.*

В напомаженной Вене, кружевами кипящей,
близко знавшей Сальери и ванилью пропахшей,

в мезонине под крышей, где сквозняк душу губит,
жил в века уходивший и болезненный Шуберт.

Опрометчивым жестом опрокинут подсвечник...
Словно лебеди чёрные на луга бесконечные,

опускаются ноты непрерывною стаею
на листы, с разграфлёнными нотными станами.

Этот истовый гений, этот Франц неуёмный,
Лебединую песню пел под крышею съёмной!

Сквозняками простуженный, очарованный намертво,
он рукою натруженной выводил Серенаду...

Пел фагот и валторна в мезонине под крышею,
звуки медного горна в этой музыке слышались!

Там стенали и плакали Горный Царь и Красавица -
до утра свечи капали, пока воск не оплавится...

Там, в обители съёмной, вне богатства, вне времени,
бился пульс неуёмный несчастливого гения!

Вивальди в Яффо

*после скрипичного концерта Вивальди
в стенах Армянской церкви в Яффо*

Я задыхаюсь! Музыка Вивальди
проникла в стены храма. Скрипачами
взлелеянные звуки - служат морю,
что за окошками колышется лениво...
Я пробиралась к вам, гармоний ради,
обычным жарким днём. А на причале
стояли рыбаки. И, ветру вторя,
колокола звонили в церкви у обрыва.

Нас собрала здесь доля иль случайность, -
две сотни обезличенных и сирых,
в сравнении с музыкой, в такую мощь и святость
нас вовлекающей, что арки заструились
и задрожали! Нераскрытость тайны
Антонио Вивальди. Блеск и сила
старинных скрипок. И шероховатость
плит под ногами - воедино слились.

Служенью музыке, как Яффо - морю служит,
век обучались музыканты в чёрном.
Помеченные грифом, станом нотным,
они уходят с зачехлёнными смычками,
оставив тень Вивальди... Долго кружит
его концерт, в часовню заточённый...
Наружу - к морю! Тель-авивский потный
субботний вечер разливается над нами!

Доницетти, Доницетти...

*под впечатлением от оперы Доницетти
"Лючия ди Ламмермур"*

Доницетти, Доницетти.
своды замка, пыль столетий.
В прах гармонией сражённый,
рукоплещет, стоя, зал.
Эта женщина на сцене, -
руки пали, словно плети, -
и, безумством поражённый,
голос плакал и дрожал.

Ах, Лючия, что за козни
да дворцовые интриги
умыкают жизнь инфанты,
обрывают песнь твою!
Межусобицы и розни
политической квадриги.
Я, как ты, под светом рампы
перед публикой стою.

Не смолкайте, звуки соло,
не стелись по сцене платье,
прочь прощальные одежды,
что пророчат мой финал!
Невозможное тремоло,
как последнее объятье
обескровленной надежды.
Поздно. Занавес упал.

Хоровая фреска

"Самая знаменитая сцена «Набукко» – хор пленных евреев на реках вавилонских. Собственно, этой сцене мир обязан появлением «Набукко»: либретто Темистокле Солера случайно раскрылось именно на странице с текстом хора, и Верди принял молниеносное решение писать оперу. Хоровые сцены играют в опере столь важную роль, что музыковеды иногда определяют жанр оперы как «драма для хора» или «хоровая фреска». А хор пленных иудеев впоследствии зажил собственной жизнью: он стал неофициальным гимном Италии, и именно он звучал на похоронах великих Верди и Тосканини. Конечно же, этот хор вызывают "на бис" - Даниэль Орен проводит всю картину еще раз: снова аплодисменты. И дальше происходит нечто необычное. Дирижер берет в руки микрофон и что-то довольно долго говорит публике, вызывая бурную реакцию. Затем берет в руки дирижерскую палочку... и начинает сцену в третий раз. Трибуны запевают вместе с хором, окончательно ломая все законы традиционного оперного спектакля."

Марина Гайкович 2010-06-10, "Опера "Набукко" у подножия Массасы"

Джузеппе Верди написал "Набукко".
И я уверена, что музыка его
предполагала мелодичность звука,
немного чувств - не более того.

Но что творится в зале и на сцене
в Израиле, когда её дают,

когда ряды военных поколений
встают и, стоя, "хор рабов" поют!

Пел целый зал в Массаде, в Тель-Авиве -
повскакивали, поднятые с мест!
И иностранцы тоже выводили
еврейскую молитву до небес.

Наружу вырывались эти звуки!
Над Тель-Авивом музыка плыла.
А дирижёра поднятые руки,
похожие на сильных два крыла,

уже владели ритмом и страной, -
Израиль пел, поднявшийся с колен,
очищен вавилонскою резнёю,
а в наши дни - солдатом, взятым в плен.

(Как в дни обстрелов сердце колотилось!
Сирена, взрыв, - и снова - тишина.)
Потом "на бис" всё снова повторилось.
В едином хоре пела вся страна!

Шостаковичу*фортепианное трио №2 на смерть Соллертинского (1944)*

Я русской музыкой классической и тайной
гармоний рваных переполнена "под дых"!
Стаккатны скерцо. И созвучия случайны.
Но канут в слаженность переплетенья их...

Вяжите руки мне! Израненной смычками
душе по рангу - бязь смирительных рубаш!
Как будто молнии скрестились между нами –
меж мной и скрипкой inferнальной! Вязкий страх

на гибель друга и страны, на отторженьё
всего, что гений у Отечества ценил...

На сцене - клавиш бесконечное круженьё
и танцы фрейлехса*. В семь нот.

В семь бед.

В семь жил.

Война и холод. И презренье предержавших
вожжу истории... Финал в избытке сил!

Мне на ресницы груз слезы дрожащей
твой тёмный ангел тихо опустил...

**Трио было первым камерным сочинением Шостаковича на трагедийную тему. Посвященное памяти И. Соллертинского, оно соединяет в себе ощущение личной трагедии и всеобщей, отражает ту предельную напряженность жизни, которую принесла война. Конфликт скерцо и пассакальи повлек за собой усиление драматического развития. Его центром стал финал, в котором Шостакович использовал элементы еврейского народного танца фрейлехс. Все образы финала трагедийны.*

Вальс. Равель

"Я задумал это произведение как своего рода апофеоз венского вальса, впечатление от кружения которого фантастично и фатально. Я поместил этот вальс в обстановку императорского дворца, приблизительно около 1855 года".

Морис Равель, 1928 г.

Так начинался вальс*. В холёной Вене
сгущались облака. Звучат фаготы.
У Габсбургов сумбурно представленьё
о будущем династии. А боты,

накидки и плащи, и скрип кареты –
преддверие к несмелым звукам вальса...
И вот он начинается. В просветах –
голубизна. Особо удавался

вальсирующим парам бег по залам,
по анфиладе комнат, до балконов!
Звучала музыка, влюбляла и взывала
всё к новым реверансам и поклонам!

Но что это: затишье перед бурей
иль "танец на вулкане" войн грядущих?
Уже - камлания разъярённых гурий
и обречённость армий, в смерть идущих!

Так не похож на вальс финал и крики
в агонии всплакнувших инструментов!

Поёт обрывки вальса соло скрипки,
утраченного мира монументом...

И - замирает притча венской были,
и притча миру, павшему в руинах, -
теперь лишь вспоминать, как нежно плыли
в том вальсе пары, слившись воедино...

**На всем "Вальсе" лежит злоеций отпечаток призрачности. Кружение вальса в "Вальсе" Равеля оборачивается крушением целой эпохи. И, быть может, здесь существует особый под-текст: не так ли и война стала крушением иллюзий довоенной, проходившей под знаком романтизма эпохи?*

Пел певец Эллады

после концерта Димитриса Басиса

Греческие танцы истоиво и страстно,
выбежав на сцену, в зале танцевали,
пели под бузуки, а певец прекрасный
с греческим ансамблем - сердце разрывали!

Как впитала песня Греции волшебной
горный и приморский ветер побережья,
как плясали люди - как на ниве хлебной,
с ветром, поднимавшим лёгкие одежды!

Как они плясали на пурпурной сцене –
руки влёт раскинув, как орлы, и долу
очи опускали, внутренним гореньем
прикасались к небу, как касались пола...

Пел певец Эллады. Втори́ли гитары.
Слёз струились капли по щекам и шее.
Греческие боги меж рядов витали
в танце легкокрылом, песнею немея...

Окружали горы и вздымалось море
бирюзово-белым гребнем на прибое.
Отрыдали звуки и бузуки, вторя, -
улетали боги мимо нас с тобою...

Бартоку

После прослушивания сонаты для двух фортепиано и ударных инструментов Бэлы Бартока

Возьми меня, возьми меня в страну
чистейших рек от горного истока, –
я проплыла по жизни не одну
пучину вод, пришедши издалёка...

Я тоже понимаю речь лесов,
скрывающих в себе разбой и святость!
Я упиваюсь музыкой басов
твоей сонаты, что плывёт на радость

над головами слушающих жизнь,
вцепившихся в сиденья от волнений...
В штормах гармоний ветренных - держись,
мой бунтовщик, мой музыкальный гений!

Приговори меня к ударам в гонг,
спаси меня в бурлящих фуг потоках,
духовной власти музыкальный бог,
верховный жрец и плачущее око...

Тебе – хранить пассаж душевных мук,
мне - уходить с душою потрясённой!
Кружит под потолком последний звук,
незримым ветром кверху унесённый...

Рахманинов. Всенощное бдение. Диптих

После прослушивания "Всенощной" Сергея Рахманинова в исполнении Литовской классической капеллы под управлением Андреаса Мустолена (ноябрь 2016, Израиль)

Глубокая озабоченность и тревога за судьбы родины, сознание бессмысленности жертв, боль и возмущение художника-гуманиста при виде человеческих страданий, приносимых чуждой и противной народным интересам войной, - все это вызывало у Рахманинова настойчивые поиски нравственного идеала, служащего опорой в тяжелых жизненных испытаниях. Этот идеал Рахманинов искал в твердых и постоянных устоях народной морали, которую он стремился воплотить в своей «Всенощной».

(Ю. Келдыш)

Взовьётся древнерусский глас
под своды зала... Колокольный,
звенящий зов, чтоб боже спас,
чтобы простил нас, своевольных!

Чтобы живущим на земле
дал ощущение бессмертья,
безвестный голос в синеве
иерусалимской пел на свете...

И вот уже не стало стен
и обнялись земля и небо, -
великой музыке взамен
переплетая быль и небыль...

Я в синем омуте души
на дальних хорах пребываю.
И это я пою в тиши,
и предо мной - земля нагая,

чей первородный грех велик,
а войны - нам во искупленье!
Над миром протянул старик
длань бога. И затихло пенье...

Я пела в юности под арками, я пела!
Я пела музыку, которая летела

от дальних отсветов судьбы, души касаясь, -
такою маленькой сама себе казалась...

Я пела в юности Всенощной силы бденье,
за всю непрожитую жизнь прося прощенье,
за все дороги, что взовьются серпантинном,
за все разлуки, что с тревогами едины.

Я пела музыки рахманиновской звуки,
ещё не зная, как повиснут в горе руки,
когда покинут меня близкие-родные,
взвалив на плечи мне все тяготы земные...

Познала горечи измен и расставаний,
и вкус внезапных перемен и расстояний!

Я пела в юности под сводами, не зная,
что заключалась в этих звуках жизнь земная.

Плач по погибшим конникам

*Вариации на тему трио Сергея Рахманинова "Lento lugubre"
("похоронный слышен звон"), 1892 г.*

И как написано в "Житие Александра Невского", "и бысть сеча зла, и треск от копий ломления, и звук от сечения мечного, яко же и озеру промерзшию двинуться. И не бе видети льду: покры бо ся кровию".

Немецкие рыцари потерпели полное поражение. Вопрос о потерях сторон до сих пор является спорным. О русских потерях говорится туманно - "много храбрых воинов пало"...

похоронный слышен звон "Lento lugubre"
то ли крик а то ли стон сомкнуты губы

запредельной скрипки плач вторят аккорды
там казнёный и палач конские морды

кони Невского во льду склеены гривы
там виолончель в бреду несуетливо

нот фортепианных лёт смерть подступала
уходили все под лёд подняв забрала

содрогались тела тонущей рати
уходили в небеса плач и проклятье

зал потерянно молчал слёзы как комом
пульс у каждого стучал мет-ро-но-мом

но последний звук осел снежною пылью
тихий ангел пролетел сломлены крылья

Поговорим о вечности, о Брамсе...

После прослушивания сонаты Иоганнеса Брамса для виолы с фортепиано Ми-бемоль-мажор

(Аллегро-аппассионато).

Поговорим о Брамсе, о сонате, -
о бриллианте ключевой воды, -
что свежим ветром аппассионаты
венчает Иоганнеса труды...

Поговорим об истинном и вечном -
о красоте, о жизни, о судьбе,
которые в движеньи бесконечном
переплетает музыка в себе!

О, как ты пела, падчерица скрипки,
виола, отражая в тёмный зал
старинных лаков отсветы и блики!
О, как твой голос лился и дрожал!

И проникал под кожу тихим всхлипом...
И вверх взмывался, покидая твердь!
И, в жизнеутверждении великом,
парил и правил, попирая смерть!

С какою светлой и изысканной тоскою,
с какою негой затихал порыв,
висящий над финальной тишиною,
предвосхищающей рукоплесканий взрыв!

Поговорим о вечности, о Брамсе,
о музыке, о жизни, о судьбе...

Соло гобоя

*Вариации на тему произведения Фрэнсиса Пуленка
"Секстет До-мажор".*

Рыжая бестия. Флейта у губ.
Соло гобоя.
Ритмы сумбурны. Безумие труб.
Горе изгоя.
Великодушен. Лиричен. Высок
неимоверно
сам гобоист! Но колотит в висок
россыпью нервной...
Мозг запредельно работать устал,
высохли губы...
Звуков поток, расширяясь, хлестал
по лицу грубо!
Переливалась за верхний предел
музыка сердца!
Незащищённый зритель сидел -
некуда деться...
Рыжая бестия. Стонет кларнет
тактом последним...
И с сожалением сходит на нет
Фрэнсис наследный...
Долго уходит, закутан плащом,
закоренелый
гей, а по залу - гуляют потом
запахи серы...

Леди Макбет Мценского уезда
по мотивам ранней редакции оперы Шостаковича
"Леди Макбет Мценского уезда."

"Леди Макбет Мценского уезда".
Опера. У касс народ толпится.
Возле театрального подъезда -
глаз славянских синь, родные лица...

После многолетнего забвенья
ставится опальная премьера!
"Сталин запретил..." - в углах шипенье, -
"крест на славно начатой карьере..."

Шостакович - молодой, нахальный! -
музыка кричит и рожи корчит!
Раж любви купчиха и напарник
ядом приправляют, в крОви мОчат!

Боль! - из каждой ноты, в каждом крике,
в каждом смехе, плаче, в грязной брани...
Арестантских пут бряцанье... блики
на штыках подкупленной охраны...

Макбет, - но купеческого толка, -
любит, губит, плачет, потрясает!
Музыка давно уже умолкла,
а любовь преступная витает

над театром, сквером, Тель-Авивом,
над волной вечернего прилива...
Как же эта барынька любила! -
до конца, до смерти, до обрыва...

автобус плыл, ковчегом наречённый

киевскому красному экскурсионному автобусу посвящается

И это было важно и прекрасно –
под первый снег войти в автобус красный
и взглядом, что от радости лучится,
вбирать особняков старинных лица...

На встречу с Лаврой, к колокольным звонам,
автобус плыл, ковчегом наречённый,
к аллеям тополиным и соборам
летел мой взгляд, на Киев обращённый.

И "маленьким Парижем" с Бессарабкой
гордился город. Прижимался зябко
к мостам литым и кованым навеки.
В дворцы метро входили человеки,

чтоб ехать под землёй, по Стиксу, в темень...
А я была в иной, наземной, теме –
гуляла в Киеве на красной колеснице
счастливой южной перелётной птицей!

В Березняках, на левом берегу

В Березняках, на левом берегу,
на низких плёсах, ностальгии полны
глаза мои, - привыкнуть не могу,
что вижу вновь днепровской шири волны!

В Березняках, на радость и навзрыд,
родню встречаю. "Вылитая мама!" –
мне говорят. И тонкая звенит
в душе струна... Из Тель-Авива прямо

в Березняки сегодня путь мой лёг.
Брожу по Киеву изгнанной королевой,
чей дом заморский светел и высок,
но манит сердце этот берег левый...

На правом берегу - музеев рать,
величественны университеты.
А здесь - душа. Хочу, как мама, стать
родной по крови в пригороде этом.

Не зря мой путь пролёг в Березняки –
сильнее стану, корни ощущая...
А за столом, с какой ни взять руки,
сидит родня. Похожая такая!

Тайна озарений

по мотивам цикла Артюра Рембо "Озарения" ("Illuminations") в музыке Бриттена после концерта Академического симфонического оркестра национальной филармонии Украины под управлением дирижёра М. Дидюры, Киев, октябрь 2016 года

***"Тонкой музыки не хватает нашим желаньям".
(Артюре Рембо "Озарения")***

Рембо и Бриттен... Тайна озарений.
Порывы голоса, как будто ветра в поле.
Я обозначусь криком по веленью
вселенским пультом правящего Ноя...

Кюре упрятал ключ от церкви ближней.
Открыты шлюзы. В окна бьётся птаха.
Я маленькая. В этом мире лишний
клочок души, синеющий от страха.

Я идиотка. Ночь пронзают мысли
о грязи сточных труб. И то и дело
я чувствую, как облака нависли
на новое и влюбчивое тело.

Смертельным свистом, хаосом и ядом
оплачиваем суть весёлых оргий.
И только музыки карминовым нарядом
мы отвлекаемся в миру обид и скорби!

Смотреть на вышивку

на выставке народного творчества в Национальном художественном музее Украины, что на площади Независимости в Киеве

Смотреть на вышивку и головокруженья
узорам, внутрь обращённых, понимать.
И гладить лён у рушникового цветенья,
и мех ковров каминных бережно ласкать...

А модниц сколько у козушной стойки,
а к шляпам фетровым - прилип глазами люд!
Носки и варежки – на вкус и цвет, и столько,
что отойти, не приценившись, не дают!

Куплю сопилку от карпатского простора,
надену вышитую сумку на плечо –
и к украинским родникам, полям и горам
дочерней памятью приникну горячо...

Ах, не надеть на праздник вышитой рубахи,
с запахом юбки украинской не носить...
И здесь, от имени перелетевшей птахи,
у сёл оставленных прощенья попросить.

Гостиница. Поскрипыванье лифта...

Гостиница. Поскрипыванье лифта.

Дежурная за стёклами очков.

И гибсовая девушка обвита
обилием украинских венков.

И в стиле украинского барокко -
вилюр и тюль, и телефонный диск...

И нано-технологии далёко,
и в застоялом воздухе повис

внезапный звук, внезапный голос, зуммер...

Такси стыдливый клаксон за окном
тишь потревожил - и мгновенно умер,
боясь перебудить солидный дом.

Всё так знакомо, как в далёком детстве,
где проживала дивная страна!

А за окошком, разрывая сердце,
открытой раной хвалится война...

Горький шоколад

"Пахнут смертью господские Липки..."

"Как по улицам Киева-вия.." (О. Э. Мандельштам)

Киевские Липки. Киевское сердце.
Спуском Шелковичным - в задушевный рай.
На днепровских склонах от судьбы не деться -
спуски и подъёмы, здравствуй и прощай.

Липкинские тайны. Здания и арки.
Крашенные лавки проходных дворов.
В колокольных звонах прислонились парки
к холмикам замёрзших памятных цветов.

Разгулялись ветры. Набежали тучи.
Прошуршал фантомом киевский трамвай.
Будет жизнь богаче. И погода лучше.
Размечтались кручи про днепровский май!

Аристократично в Липках и спокойно.
Только капли крови не отмыть с камней.
В воздухе струятся явственно и стройно
абрисы убитых киевских парней.

Киевские Липки. Киевское сердце.
Шарфом Шелковичным льётся дождь на спуск.
От слезы внезапной никуда не деться.
Горечь шоколада оттеняет вкус.

В Мариинской гимназии

В гимназии писалось о любви,
о Пушкине, о северных аллеях...
Украинскую девочкой живи,
российскою поэзией болея!

Как тайны амфибрахия в тиши
садов, разгадывать значенье притяженья
двух любящих сердец... Потом - пиши
талантливой рукой стихотворенья!

Потом - живи вдали, уязвлена,
как музою, - предвиденьем любви...
Потом вернись, как мужняя жена,
на царскосельскую аллею, пруд и поле.

Глубинным словом выпотрошив ночь
возможных и запретных сочетаний, -
всё остальное улетало прочь... -
ей доставалась истина страданий!

И всё затем, чтоб рифмой, как пращой,
проникнуть в грудь читающего строчки...
Светлела ночь и северным плащом
скорей являлась ранним днём, чем ночью.

**Первые литературные опыты молодой Ани Горенко (Анны Ахматовой) относятся ко времени ее учебы в Царскосельской женской Мариинской гимназии. В Царском Селе она познакомилась со своим будущим мужем – поэтом Николаем Гумилевым, имевшим серьезное влияние на формирование ее поэзии. Выйдя замуж за Гумилева, Анна Ахматова возвращается в Царское Село после пятилетнего расставания с любимым городом. Многие в лирике Анны Ахматовой посвящено Царскому Селу, который занял особенное место в ее поэзии.*

Мне сегодня гореть...

Мне сегодня гореть
на ветру убегающих дней
и монеты бросать,
в те ручьи, чтоб назад возвратиться!
И молитвенна медь
оппадающих календарей,
и надломлена стать
чуть живой и израненной птицы.

Мне б сегодня сказать
о цветах той далёкой поры
у обочин полей
неизбывного светлого детства:
шевелурой качать
по законам извечной игры,
умирать в суховой,
когда попросту некуда деться...

Я ещё постою –
то ли золотом, то ли огнём,
на жар-птицы перо
опираясь, как нищий на палку,
на судьбину мою,
что иссушена прожитым днём.
И, хоть время пришло,
но лежащий подсолнух мне жалко.

Я о том переулке...

Я о том переулке, где пахло горелыми листьями,
что сжигались в преддверье зимы на ноябрьских кострах.
Хулиганское, светлое детство мазками искристыми
воскрешаю и помню, пока не рассыпалось в прах.

Пока жизнь, что клубится озоном тропическим плазменным,
не развеяла в памяти тоненький дым из трубы,
а на летнем дворе, пересытившись зноем и праздником, -
как мы вялили рыбу и как мы солили грибы.

Вспоминай меня, двор! Понастроены новые здания
там, где мамины мальвы на клумбах садовых цвели.
Здесь кружил-проникал в лабиринты мембран обоняния
насыщающий запах украинской чёрной земли!

Я - пацанка. Я центр той вселенной, что зреет в зародыше:
ноги босы и сбиты колени, в шелковице рот.
И зовут меня смачно "бандиткой" и Витькой - "поскрёбьшем",
и душа моя юная громко под вишней поёт!

Как взрывалась сирень после первого майского тёплышка,
и парил в переулке парфюм её, сладок и густ!
В том дворе до сих пор сохранилось "секретное" стёклышко, -
как душа у Кащея, зарыто под розовый куст.

Тель-авивская соната

Я - в Тель-Авив! Прости мне эту блажь!
Обожжены жарою выше меры,
Сидеть в берлоге с кондиционером
И пить послеобеденный купаж –
Не лучше ли, чем ехать в Тель-Авив
В свой выходной, под солнцем плавя шины
В разгар невыносимого хамсина,
Рюкзак с водой в дорогу прихватив?
Но Тель-Авив, особенно дневной,
С домами тесными, "периода мандата",
И с Яффским портом, встроенным когда-то
В легенду Андромеды, - якорь мой!
К театрам первым, в тень библиотек,
К домам, где родилась литература, -
Сюда не туристического тура
Стремилась поселенцы. Новый век
Влетал в окно, топорщил парус штор,
Рождал иврита перепев гортанный,
Под плеск и говор моря неустанный,
И - розой полз на каменный забор!
В твоих аптеках, барах, кабачках,
Жила душа хмельного Тель-Авива,
Что похотью "марсельскою" кружила
Во взглядах проституток и в стихах...
Там, вдалеке, живёт высотный центр –
Гламур, богатство, биржи и алмазы,
А здесь - на эмигрантскую заразу
Заплачен шекель и отпущен цент...
Давай закажем ледяной абсент

К обеду с припортовою барбуньей,
Оставим tip бармену и певунье
За ягодиц вихляющий акцент.
А темнокожий шумный эмигрант
Уже собой заполнил переулки
И продаёт фалафели и булки,
И кажет на там-таме свой талант.
Прощай, мой Тель-Авив! Закончен день.
Звучит во мне рыбацкая соната.
И пахнет розой, что цвела когда-то,
К часовой башне прислонивши тень.

Фанданго

А под конец играли Боккерини.
Виолончель. Фанданго. Кастаньеты.
Скрипачка. Принадлежность к Украине
написана на лбу. Под звуки эти

игры взхлёб сижу едва живая.
На ней сосредоточилась девчушка.
Татуировка – шик! Душа нагая.
Пред нами трубочист, а не пастушка.

Играют Боккерини. Бесконечно
я представляю жизнь её и долю.
Рождённая на Украине вечной –
как ей непросто в нынешней юдоли!

Под кастаньеты думаю про юность,
которая для скрипки и для сцены.
К воспоминаньям собственным вернулась
рассеянных по миру поколений.

Лоб волевой. Поджаты губы, скулы
на визуальный ряд орды меня настроят...
А взгляду – вбок и долу – не амур
привидятся, а тяжкий труд изгоя.

Девчушка и фанданго. Кастаньеты.
Плетенье музык и судьбы сретенье.
Пишу, как выживают в мире этом.
О том, что больно, вью стихотворенье.

Рассказ Ани

*О дожде, который грянул по выходе
из музея имени Давида Баазова*

Тропический ливень. Летела по камню
неровной брусчатки в Тбилиси старинном.
Забыла на миг, что не птицею – Аней
явилась пред Грузией к водным крестинам.

Лил ливень. За шиворот слались потоки
от Зевса, от змия и прочей химеры.
И прыгала Аня по лужам. И стоки
воды позабыли порядок и меру.

А рядом, в таверне, сидели грузины,
глядели на дождь и дрожащую Анну,
не зная, что крылья росли с середины
промокшей спины в предлежании странном.

Рождались от грома, от рифмы, от музыки.
Но Анна уже пролетала над речкой,
над городом древним. И полнились шлюзы
не вешней грозою – мечтой человечьей!

Я тоже промокла. Я тоже боялась
громов и падений, и смерти, и кручи...
А в небе над городом – Анна смеялась
и сильным крылом задевала за тучи!

Казбек

По бездорожью, временами – по распутице
К тебе приблизилась, Казбек, по венам вод.
Стою на гребне безымянной лилипутицей,
Пыльцу несущую пчелой на местный мёд.

На подошве моей обуви – пыль дорожная,
Над головою – облака и рифмы флёр.
Я разгляжу тебя, Казбек, сквозь дымку. Можно я
Здесь разложу свои поленья на костёр?

Настанет ночь не по июню, не по-летнему
Прохладой скальной остужая плоть и жизнь.
И будет голод мой по слову злым и ветреным.
И стынут пальцы – над обрывом удержишь!

По бездорожью, временами нестерпимому,
Меня ведёт нагромождение камней
К горе Казбек такою замкнутою линией,
Такою бурною рекой судьбы моей!

Я однажды приеду в украинский тот город...

Я однажды приеду в украинский тот город...
К моей мачехе старенькой в гости зайду.
На стене будет фото, где мой папка так молод!
Я однажды приеду, я однажды приду...

Заберусь я с ногами на диван широченный
и к любимым подушкам его прислонюсь...
И душистого чаю с травой лечебной
я под папкиным пледом однажды напьюсь...

Аккуратно уложен белый седенький волос:
чем жила, чем живёт - всё ему одному!
Даже стены хранят до сих пор его голос.
Я однажды услышу, я однажды пойму...

Пожурчит про болезни, да про жизнь непростую -
как с соседями дружит, как могилку хранит...
Я однажды старушку, любя, расцелую!
Я однажды заплачу, как в детстве - навзрыд!..

Я к тебе никогда не приеду

Я к тебе не приеду, мой город родной,
в прежний дом не войду долгожданной к обеду...
Ни к днепровской волне, ни вишнёвой весной -
я к тебе, дорогой, никогда не приеду!

Тот последний январь был отважен и смел,
уносил меня вдаль в предвкушении гордом!
Там последний костёр на ветру догорел,
там гитара умолкла прощальным аккордом...

Соберутся друзья - голова в седине -
сорок лет как не виделись с юности школьной.
Посудачат за жизнь, в том числе - обо мне,
попеняют на то, что приехать мне больно...

Дорогие мои! Мир - огромный вокзал,
ты сегодня в Египте, а в Греции - в среду!
Дважды в реку одну - кто-то мудрый сказал -
не войти... Я к тебе никогда не приеду.

У меня межсезонье...

У меня межсезонье. Как птица,
навигацией снятая с мест, -
моё сердце в пределы стремится
опрокинутой чаши небес!

Опрокинуты воля и мысли, -
всё лететь бы куда-то, лететь...
И не важно, что тучи нависли,
и не страшно в грозу умереть!

Я, как птица, - приказана лёту,
как рождению приказана смерть...
Безраздельно присвоена квота
мне куда-то стремиться и - сметь!

У меня межсезонье. Трепещут
руки-крылья, предчувствуя высь...
И зазывными далями блещут
расстояния. Сердце, уймись!

Содержание

Медные копи царя Соломона.....	3
Как делали мозаику старинную.....	4
Над развалинами Шивты.....	5
Новая персидская сказка.....	6
Акко - приют крестоносцев.....	8
Скрипка разговаривала с Богом... ..	9
Еврейская свадьба.....	10
В игольное ушко верблюжьей башкою.....	11
В виноградниках.....	12
Перед звёздным дождём.....	13
Не хлебом единым... ..	14
Я спрошу у судьбы.....	15
был голос тал... Кантата.....	16
Я, как он, - напишу про окружность... ..	17
Читаю Бродского.....	18
Я сегодня - Ван Гог. Романс	19
Девочки, молящиеся тихо... ..	20
Маленький город.....	21
когда любили книжный запах... ..	23
где инстинкт правит миром по Босху... ..	24
Полупустыня.....	25

История нашей любви.....	26
На подмостках играют мои диалоги.....	27
Молитва о дожде.....	28
Посвящение Францу Шуберту.....	29
Вивальди в Яффо.....	30
Доницетти, Доницетти... ..	31
Хоровая фреска.....	32
Шостаковичу.....	34
Вальс. Равель.....	35
Пел певец Эллады.....	37
Бартоку.....	38
Рахманинов. Всенощное бдение. Диптих.....	39
Я пела в юности под арками, я пела!	41
Плач по погибшим конникам	42
Поговорим о вечности, о Брамсе... ..	43
Соло гобоя	44
Леди Макбет Мценского уезда	45
автобус плыл, ковчегом наречённый	46
В Березняках, на левом берегу	47
Тайна озарений	48
Смотреть на вышивку	49
Гостиница. Поскрипыванье лифта... ..	50
Горький шоколад	51
В Мариинской гимназии	52

Мне сегодня гореть...	53
Я о том переулке...	54
Тель-авивская соната	55
Фанданго	57
Рассказ Ани	58
Казбек	59
Я однажды приеду в украинский тот город...	60
Я к тебе никогда не приеду	61
У меня межсезонье...	62

ББК 84 УДК 82-1

Л 36

Литературно-художественное издание

Виктория Левина
Медные копи царя Соломона
Сборник стихов

Ответственный редактор Н. Вареник
Корректор Т. Берлин
Компьютерная вёрстка Б. Кирилин

Сдано в печать 30.12.2018 формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. лист. 14,0 Тираж 50 экземпляров . Заказ № 12
Издатель ФО-П Вареник Н.В.
«Писатель в интернет-пространстве»
Адрес: а/я 7, Почтовое отделение 7,
г. Белая Церковь 09107 Украина
e-mail: cerkow@rambler.ru
тел.+38 066 091 24 20

Свидетельство о внесении в Государственный реестр издателей,
изготовителей и распространителей издательской продукции
Серия ДК № 5094 от 05.05.2016 г.

Отпечатано ФОП «Кирилин Б.П.»
09100, г. Белая Церковь, ул. Я. Мудрого, 20